

Лихуанное дерево

Лихуанное дерево

Григорий Хубулава родился в 1982 году в Ленинграде.
В 2005 году окончил философский факультет СПбГУ.
Преподаватель. Является автором нескольких
сборников стихов, среди которых "Клубок" 2005,
"Точка опоры" 2007, "Признаки жизни" 2010,
"Иными словами" 2012. Ученик Игнатия Ивановского.
С 2007 года участник ЛИТО "Идентисты" под
руководством Алексея Машевского.

E-mail: g.hubulawa@yandex.ru

...Снова делая шаг в пути и снова молясь во сне,
Вместо «Господи...» я говорю «Пусти...»
Меня приведи ко мне...

Пролог

Я не мешаю. Входите, ищите, шарьте,
В одежде, в столе, а можете и под кожей,
В тетрадях, на полках и в медицинской карте
Вы не найдете того, что всего дороже.

Смейтесь, глядите пристально и предвзято
И заслоняйте подень в холодной раме.
- В чем тут подвох? Говори, где ее припрятал?
- Что мне скрывать? Да и вот она, перед вами.

В мелкой пыли и в наволочке подушки,
В сладком дымке и горькой кофейной гуще,
В рыжих бинтах и в карандашной стружке,
Вы не находите, вы только злитесь пуще.

Но совершаясь ничто не мешает чуду,
Хоть бы и через силу, помимо воли.
Так что ищите, поэзия здесь повсюду.
Вы закрываете дверь: - Ненормальный, что ли?

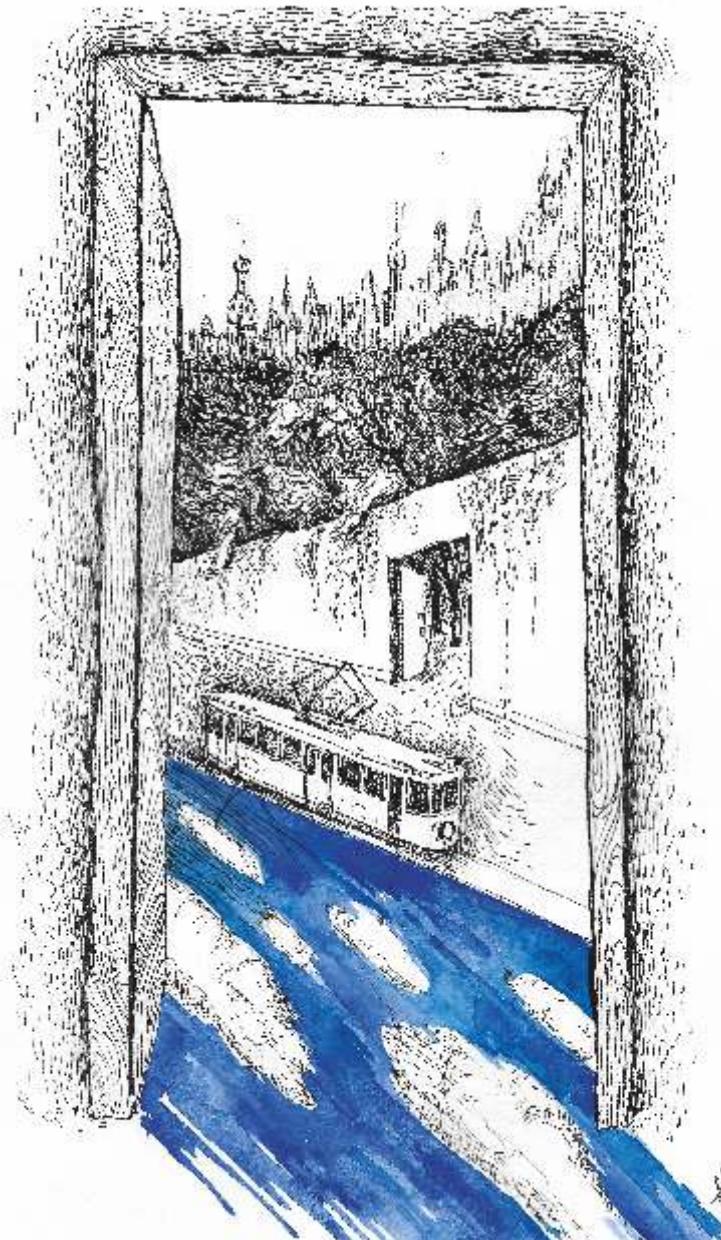

Иллюстрация к стихотворению “Путешествие”

Глава первая

...

Нарисовал в блокноте воробья,
Рисунок этот ничего не значит.
Страницы все быстрей листаю я,
И птичка то летит, то снова скачет.

Я над своей задумкой хохочу,
Покуда у Создателя в блокноте,
Как воробей, летаю и скачу,
Наивный дух в ловушке душной плоти.

Сны Ибларда

Трамвай похож на старый портсигар.
Скользит по тонким рельсам мимо сада
И серой башни, увитой плющом.
А пассажир трамвая слишком стар,
Не сводит он невидящего взгляда
С ворот садовых с их резным ключом.
Серебряные города огни,
Столбы, как заблудившиеся цапли,
Разбросанные домиков грибы,
У смерти вечность прячется в тени,
И облаков седые дирижабли
Летят на юг по ветру без борьбы.
Сиреневые теплые поля,
Небес прозрачных вечные соседи,
Ночных окон счастливые желтки.
Старух печальных тщетно веселя,
Гоняет мальчик на велосипеде,
Огонь дождю не подает руки.

Иному сердцу тесно на земле,
Опущенные руки, взгляд унылый.
Стекает время в черную дыру.
А дверь висит на собственной петле
И, притворяясь птицей однокрылой,
То хлопает, то плачет на ветру...

Путеводитель

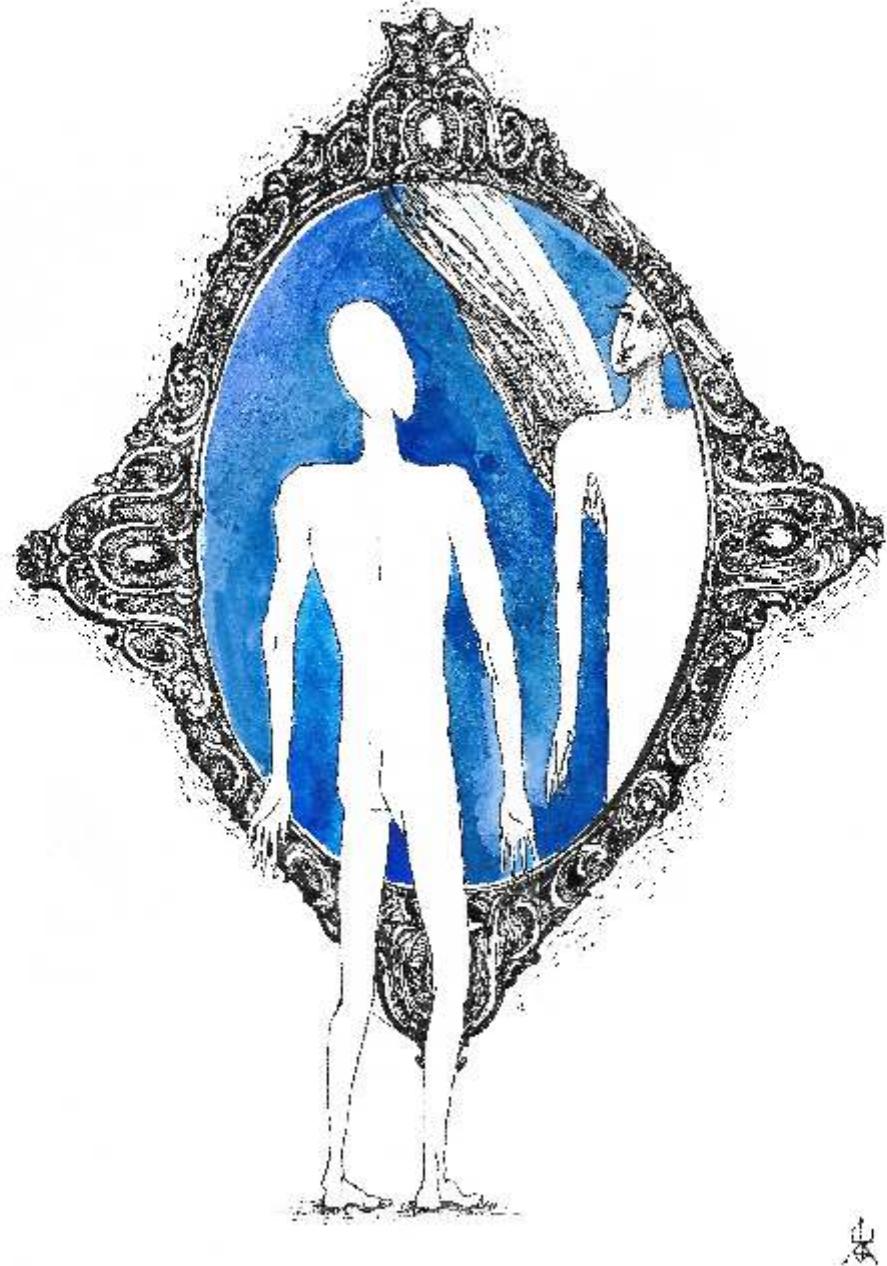
Так хочется запоминать слова...
Несспешно солнце катится под горку,
И, как заноза, скверная мольва
Мне намертво врезается в подкорку.
Бушует разгулявшийся Борей,
И ничего не знающий о славе,
Родившийся в Империи еврей,
Плененный ею, как Иосиф Флавий,
Во сне диктует хронику войны,
Смеясь над неизбежностью уродства,
Бубнит слова, которым нет цены,
По азбуке слепого первородства.
И мраморный, вооруженный, бог
Ему в лицо мечом забвенья тычет,
Еврей печальный, как единорог,
На голову себе невзгоды кличет,
Он кости в чашке глиняной трясет
С азартом проигравшегося турка,
Разлуку безутешную везет
По воздуху в Нью-Йорк из Петербурга.

Мы оба знаем всех сомнений суть,
Но никому об этом не расскажем,
А он в гробу приляжет отдохнуть
На маленькое кладбище за пляжем.
Вставляет непрозрачное стекло
В распахнутую раму постоянства,
Ворчит и обжигает тяжело,
Недавно им открытое пространство.
Стенает неоправданная грусть,
Не доверяя ветреному раю...
Нечаянно, как нужно, наизусть
Опять его слова запоминаю.
И падчерица-речь опять легка,
Но взгляд ее, как сонная могила,
И греется дрожащая строка,
И проклинает темные чернила.
Сверкает гордость римского гроша,
Звучит сонет, пугающий и робкий,
Вздыхает обреченная душа
В телесной запечатанной коробке.
Не верю хору искренней хулы
И голосу испуганному внемлю...
Блестят на солнце ветви и стволы,
И корни слов цепляются за землю.

• • •

Лепить вселенную из глины,
Испачкав руки в небесах,
Сопоставляя половины
На неуверенных весах.
Умело обжигать планеты,
Что тяготению верны,
Вдыхать в созвездья прежде света
Огонь прозрачной глубины.
Нарисовать густые тени,
Наметив лишь издалека,
Новорожденный шум сомнений,
Взрыв первородного греха.
Чтоб ожило и завертелось
Творенье наше, мы вдвоем
Готовы за такую смелость
Платить законным божеством,
И в том же мире воплотиться,
Не видя ни на шаг вперед....
...А сонный буйвол воду пьет,
И от реки взлетает птица.

•••

Весь, как есть, берите, раньте, доживет ли до утра,
Он читает уркам Данте в лесосеке у костра,
И беззвучная кончина — только временный приют,
Людям не нужна причина, и его привычно бьют.
Гордый пасынок Элады, в хруст изломанный дурак,
Кольца древа, круги ада, не протопленный барак.
С дикой музыкой беззубой он в обнимку полежит,
Примирияясь с жизнью грубой, Агасфер, убогий жид.
В серых легких ступок гноя, хриплый кашель, жар и круп,
Но безумие святое притаилось в складке губ.
Вспоминая о расплате посреди замерзших рек,
Музя черная в бушлате опускается на снег.
Громко дышит и хлопочет, лупит рифмою под дых,
И следов вороных почерк вдоль сугробов голубых.
И душа не просит хлеба, смерть не жаждет куражка,
Лишь метель вращает небо, над деревьями кружка.
Из барака дверь открыта, чья-то жалоба слышна...
«... del cammin di nostra vita» повторяет тишина.

Гамлет

Когда нельзя понять, что будет хуже:
Солгать? Убить? Прикинуться овцой?
Средь бела дня животный бледный ужас
Приходит... удирая, беги трусцой...
Куда бежать? В горячие объятья
Развратных просчитавшихся друзей?
И прятать крик в знакомых складках платья
Несчастной мамы... Слабый ротозей,
Бросаешься в дворцовые интриги,
Играешь роль и подражаешь нам,
А мы в карманах плотных прячем фиги...
«Отмщение тебе, но Я воздам.»
Все кончится бессмысленно и просто:
Клинок, отрава, причитаний медь.
Как свой костюм давнишний не по росту,
Дрожа и корчась, примеряешь смерть...
Последняя черта, последний признак
Живого, непродажного лица,

Когда б не жалкий, не отцовский призрак,
Скажи мне, друг, ты шел бы до конца?
Пусть ради справедливости и шкурок
Врагов твоих, ты смог бы жить в аду?
Смешной толстяк, потеющий придурок,
Такой неловкий, вечно на виду...
Ты проигралась, презирая ранги,
Провалившись в жилище вечной тьмы,
Неисправимый принц, железный ангел...
Но как же мы, несчастный, как же мы?

•••

Бесполезны слова, если сердце не сможет
Ни постичь, ни принять, ни оставить следа.
Просто бросишь в огонь изумрудную кожу,
И покой потеряешь уже навсегда.
Скользкий облик сгорит, улетучится с дымом,
Станет небо с овчинку в земном шалаше,
Ведь бывает отчаянно необходимо
В безобразных одеждах скрываться душе,
Чтоб не выдать наследство свое и сиротство,
Чтобы, походя, ранить ее не могли,
И, возможно, ее с земноводными сходство,
Происходит от моцца воды и земли...
Не рыдай, потеряв, а ищи неустанно,
Ведь душа в тишине вызволения ждет,
Каждый миг оставаясь живой и желанной,
Голос милый услышит и слово найдет.
В час, когда небосвод зашатается звонкий,
А могучие воды полмира снесут,
Слышишь вдруг: - Лягушонка моя в коробочонке!
И умрешь, и воскреснешь и выйдешь на суд.

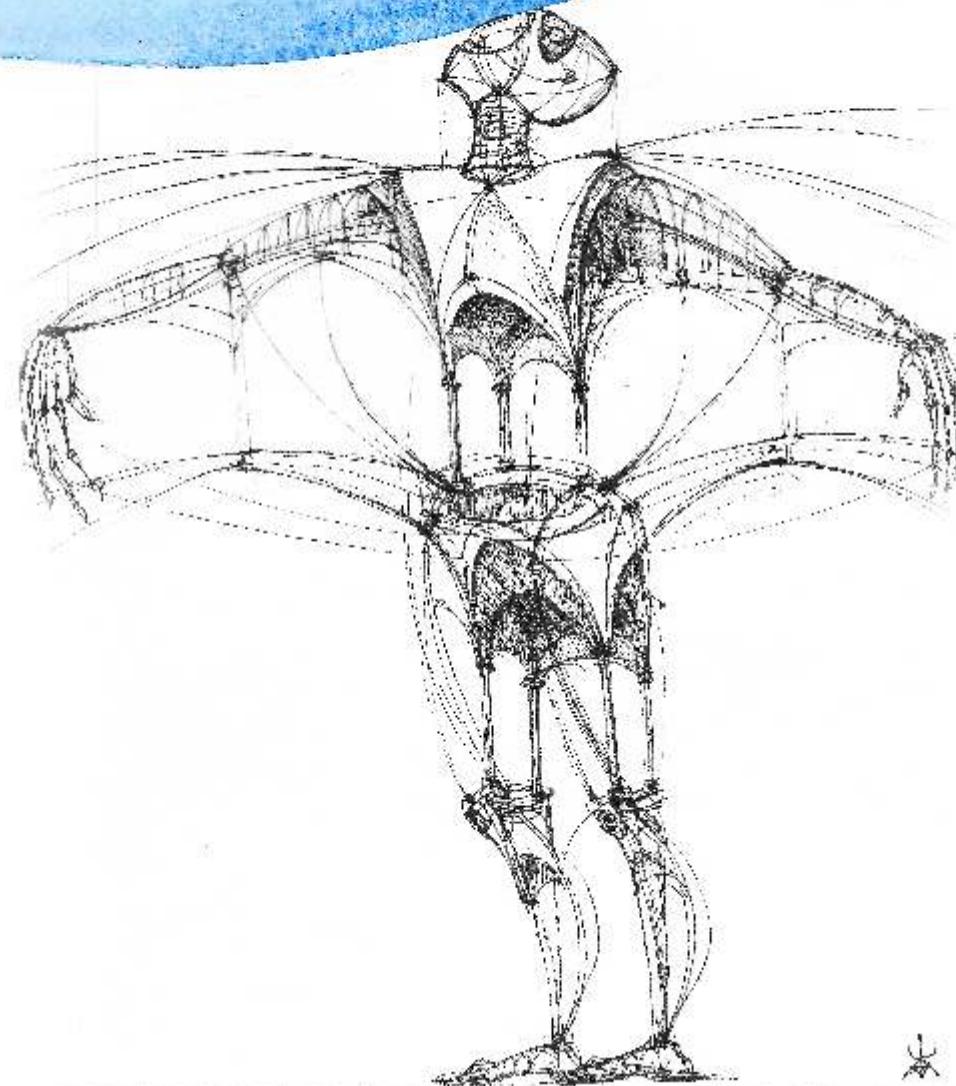
•••

Я - граната с выдернутой чекой,
Я лежу, прижавшись к земле щекой,
И дрожу изнутри, ожидая взрыва...
Спазмы слов становятся все сильней,
Расширяется воздух в груди моей,
На прощание разум кричит: - Счастливо.
Вспыхнет мир, будто спичка, сомнений нет,
И нахлынет волною всесильный свет,
Чтобы гордая ночь, наконец, прозрела.
Я — граната, брошенная во мглу.
Что же это белеет в глухом углу,
Догорая и скорчившись? — Это тело.

• • •

Когда боишься умереть, умри,
И ничего плохого не случится,
Во мгле чуть ярче вспыхнут фонари,
Твоя душа, что телом не теснится,
Легко взлетит, не тронув провода,
И чокнутый бродяга засмеется
И хрипло скажет: - Это ветер...да...
Хоть листик ни один не шелохнется.

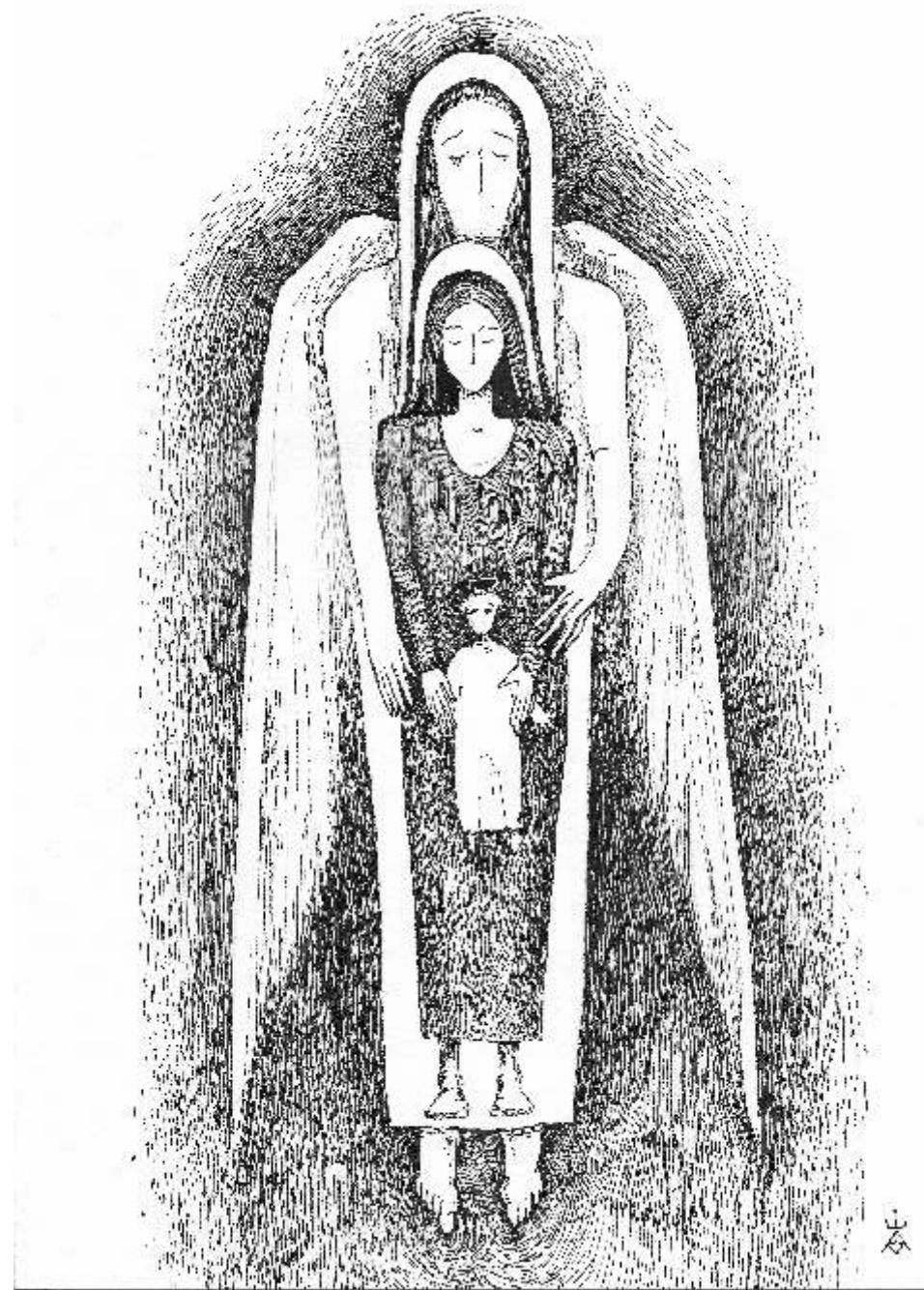
Сноси мои обиды и капризы,
Мои пристройки, арки и карнизы,
Мой вид преобразив к исходу дня.
Предвосхищая лепет оправданья,
Смиренно сносишь ты иные здания,
Молю я об одном: до основанья
Сноси меня.

Глава вторая

Ангельский валс

Что приключилось? Ведь ангелы всюду:
В лужах, витринах, зубастых осколках,
Нервно, растерянно дышится чудо
В наших неверных, пустых кривотолках.
И все равно в облаках полуторальных,
В каждом проеме двери отворенной
Ангелы, ангелы в радостных полах
Старых халатов и с песней зеленою.
Шумно беседуют в тесных кофейнях,
Едут в трамваях и курят устало,
В позах опять возникают шутейных
Ангел Да Винчи и ангел Шагала.
Чувствую, скрыто от глаз изобилье
Тонкого света, прозрачного звона,
Слышу повсюду тревожные крылья,
Счастье, как прежде, у нас вне закона.
И наплевать. Заблудившись случайно,
Я улетаю - с тобою и с ними.
Нас повенчавшая тихая тайна,
Ну, объясни мне...

• • •

Ч

то тебе предсказанья пророков,
Патриархов седых маята?
Полотняного платья потрогав
Край, прогонишь виденье креста.
Улыбнешься, юна и невинна,
В тишине и посмотришь кругом:
Ожидает небесного сына
Галилейского плотника дом.
Доски новые, запах опилок,
И пылинок кружат мотыльки.
Спит Иосиф, на красный затылок
Положив две усталых руки.
Ты смеешься — бесцветная птица
Залетела под утро в окно,
Повторяет она: - Воплотится,
Назарет... - только сердцу смешно.
Снится бедной душе-недотроге
Мир, сияньем поверженный в прах,
А за дверью сидит на пороге
Ангел с лилией белой в руках.

• • •

Евангелие нынче, здесь...
Иглою Истины подкохно,
Введенная, сияет весть
Любви, которая возможна.

Но праведность мешает нам
Увидеть, что в другом скрыто,
И порознь помолиться в храм
Приходят фарисей и мытарь.

Усердно люди крестят лоб,
Постятся, не щадя усилий,
В утробах нищенских трущоб
И дорогих автомобилей.

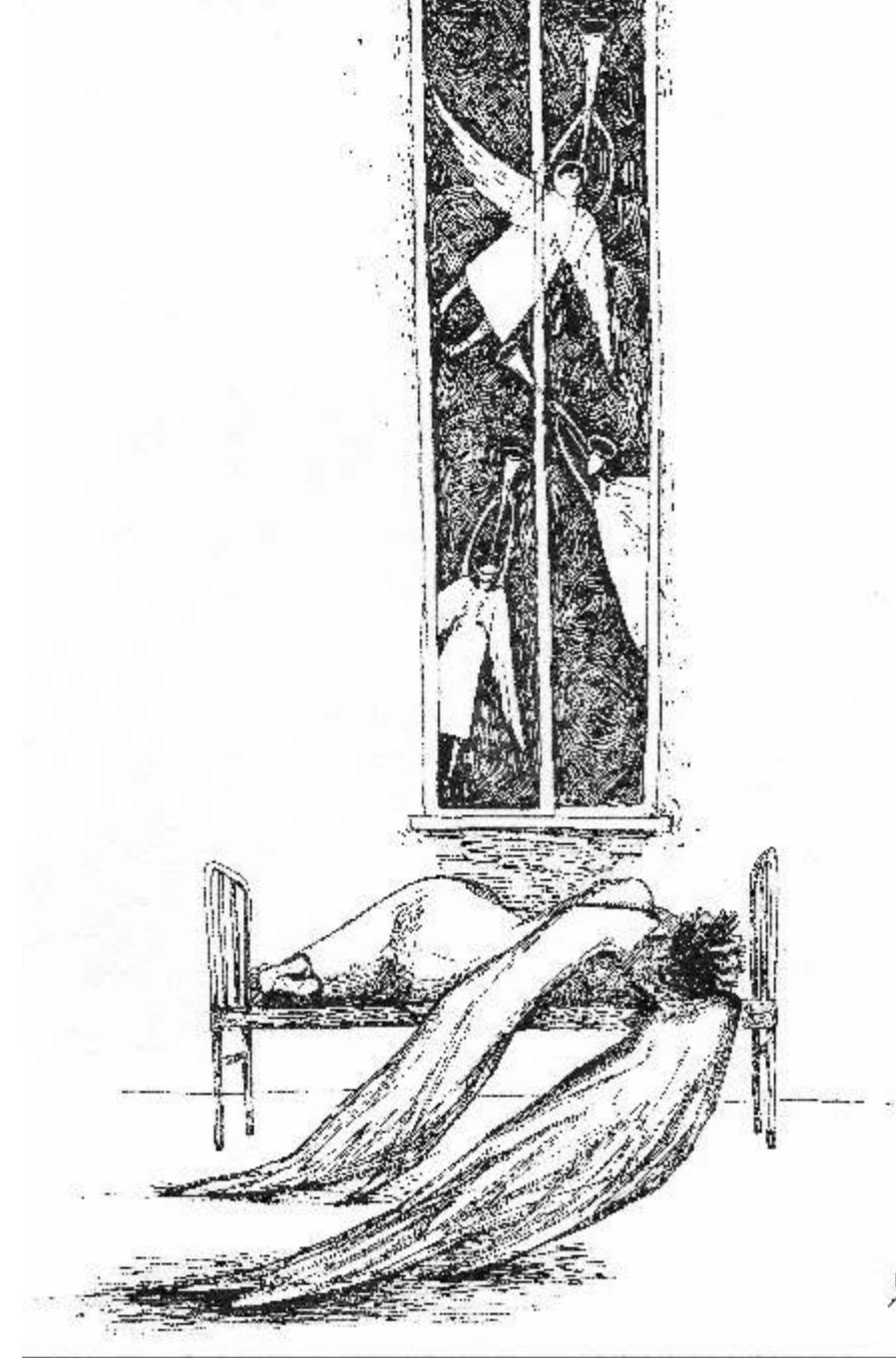
Мы не заглядываем в хлев
Погреться, пусть насквозь промокли,
Мы — плесневелый черствый хлеб,
Мы — темные сухие смоквы.

Канона долгая верста
Ведет тропою проторенной,
Нужней воскресшего Христа
Надежно в сердце погребенный.

Отцу ненадобно раба,
Есть в Сыне явленная сила,
И водосточная труба
Звучит трубою Гавриила.

•••

Видишь елку в приемном покое, мишур из бумаги и пластика,
Где живут на больничном постое тридцать три беззащитных глазастика?
Полоумные фрики, старушки, что тебя изучают внимательно,
Сами делают эти игрушки, вырезают снежинки старательно.
Жертвы страхов, склероза, невроза, плясуны и кликуши беззубые
Свято веруют в Деда Мороза, им неведомы истины грубые.
Пусть в незримом тумане и дыме тело жалкое ужасом сковано,
Но в небесном Иерусалиме им блаженство Отцом уготовано.
Мы за нищего духом в ответе, за страданья его бессловесные.
Было сказано: "Будьте как дети и наследуйте Царство Небесное".
Ни к чему толковать о расплате, возмущаясь войной или голодом,
Если стонущий мальчик в палате — третий ангел, трубящий над городом.

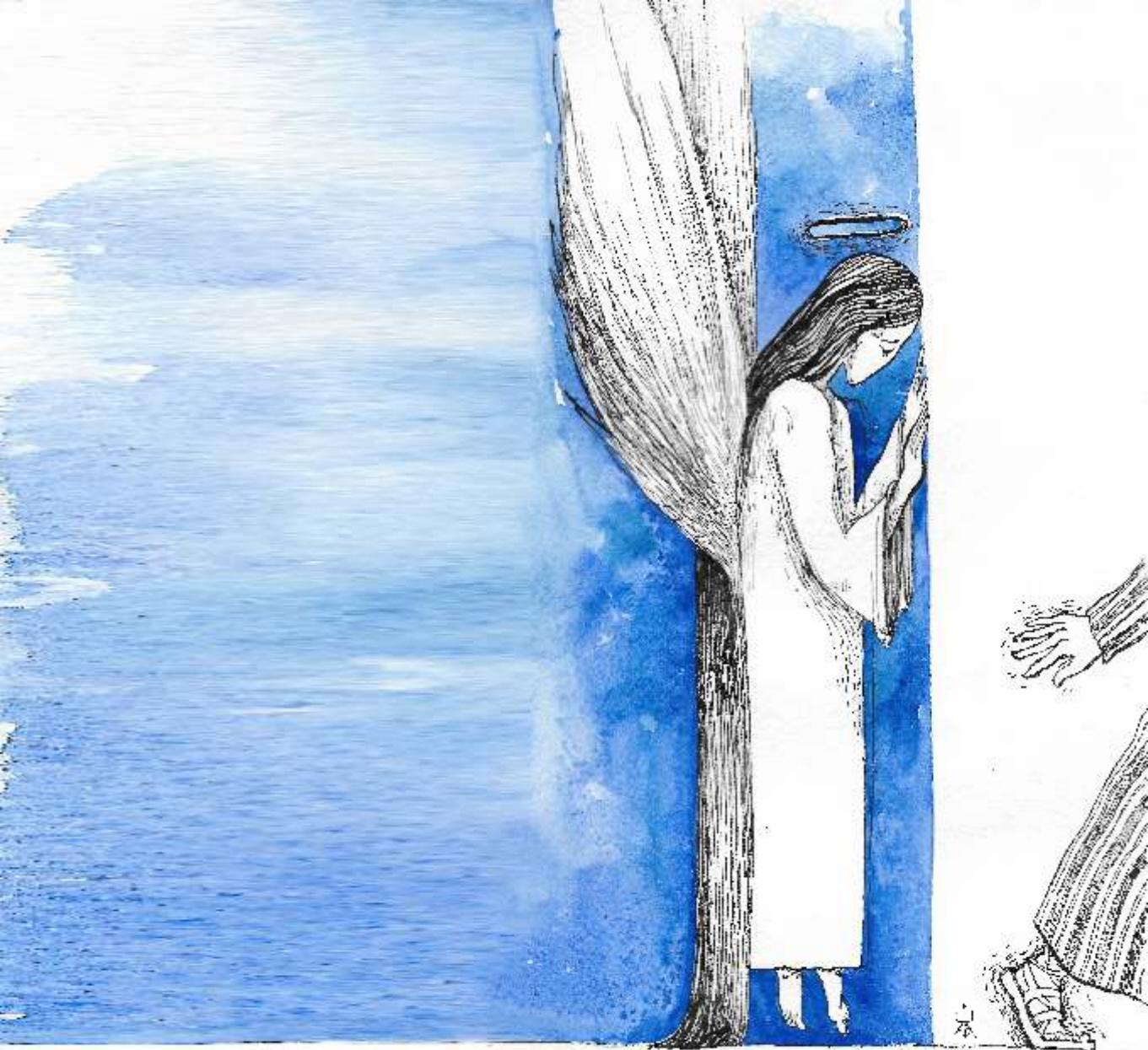

Се, стою у двери и стучу (Откр. 3:20)

Быт в закрытой комнате наложен.
Прислонившись к двери, много лет,
Осторожно из замочных скважин
Друг для друга добываем свет.

Но шаги полночные услышав,
Больше не пытаемся уснуть,
Говорим вполголоса и дышим,
И за дверь боимся заглянуть.

И никто из нас не доверяет
Бережно врученному ключу,
А Господь с надеждой повторяет:
- Се, стою у двери и стучу...

Капернаум

В Капернауме парень - лежачий больной
С тощим немощным телом и круглой спиной,
На носилках спускают его через крышу,
Ведь по зову людскому явился Господь
Исцеленьем спасти непослушную плоть,
Все в крикливой толпе нетерпением дышит.
И псалмов распеваемых смолкли стихи.
- Поднимайся, тебе отпускаю грехи,
Все, что должно, свершилось, дерзай, мое чадо.
И мальчишка встает, и стоит на ногах,
От земли, золотясь, поднимается прах,
А спасенный помощникам шепчет: - Не надо.
Он кричит и бежит по дороге своей,
Между плачущих молча счастливых людей,
И дорогою славит Спасителя громко...
Если все так и было, то боль неспроста,
Эта слабость, звенящая сном пустота
И дрожащей ноги неживая соломка.
И когда позабыт исцеляющий Бог,
Не хватает ни веры, ни силы на вдох,
И садится тоска к моему изголовью,
В полусне Капернаум встает предо мной,
Я бегу, окружен невозможной весной,
И сквозь слезы кричу, разрываем любовью.

•••

Не удивляет слух плебейский,
Не возмущает звонких сфер
Курчавый говор галилейский:
Глухая «бэ», грудная «эр».
И вдруг подумаешь в запале:
- И как тогда возможно, чтоб
Пред этим голосом дрожали
Ветра, и с воскрешенным гроб
Ему открылся, точно книга
От авраамовых веков?
А где же вечная интрига?
Как ты, он в точности таков.
Душа напрасно ждет ответа,
Не трепещи, перед тобой
Лишь Иисус из Назарета
Стоит с разбитою губой.
Но миг... Сомненье тонет в ране,
Страданье заклеймило плоть,
Ты слышишь: «Лама Савахфани»...
И веришь - это твой Господь.

•••

Он стоит посреди оживленной огромной улицы,
Извивающейся и сверкающей, как питон,
Наблюдая, как люди бегут, под зонтом сутулятся
Или курят подолгу, уставившись на бетон,
Говорят по мобильному, плачут, считают выручку,
Провожают, встречают, тяжелый несут багаж,
Демонстрируют верность, терпение, гнев и выучку,
Принимая за откровенье любую блажь.
Наблюдает за каждым с рождения и до старости,
Выводя их на свет сквозь ужасно густую тьму,
Сердце рвется его, исполняясь любви и жалости,
Всякий раз бесконечно к любому и одному...
Что поделаешь с нашим бессмысленным горьким опытом?
С гордой ересью правды? С жестокостью, наконец?
На табличке в руках бездомного "Царь"... чего-то там,
Рядом крепкие гвозди и в черных шипах венец.

•••

Средоточье пространства и времени,
Свет и сумрак в единой горсти,
Просто дерево прячется в семени,
Чтобы вдруг из него прорости.
Для него, неподвижного, ждущего,
Новой жизнью готового цвести,
Ни прошедшего нет, ни грядущего,
Лишь одно настоящее есть.
Мир в живое кольцо заключается,
Разделенный на части для нас,
Наше прошлое с новым встречается
Вечным будущим здесь и сейчас.
Но посильно дается по вере нам,
И, покуда упрямко растем,
Бог склонился над маленьким деревом
И открылся, распятый на нем.

•••

Было две Марии. Одна из них Родила Его, другая Ему внимала И молчанье впитывала, как стих. Человеку довольно, а Богу мало.

По Нему проходила меж них черта Соблюденья Закона и древних правил, Две Марии вздрогнули у креста От последнего «Отче! Зачем оставил?»

Ни одна из них не могла предать, Не пеклась о чувствах, об интересах... Чем пред всем Израилем оправдать Горе неисчерпаемое на Песах?

И не верили обе, пока в гробу Невозможный доселе рождался пламень, Осветивший новую их судьбу, И сдвигавший с места надгробный камень.

Пасха

Несешь ко гробу на горбе
Всю жизнь в усердье богомольном,
Быть может место и тебе
Отыщется в ушке игольном.
Основы дней потрясены
Счастливым криком Магдалины.
Ликуя, Божии сыны
Исходят из немой долины.
Пусть пересохнут сотни рек,
Урчит сырой земли утроба.
Кто верит - не умрет вовек,
Ступай по темноте до гроба.
Бери дрожащего Фому,
Счастливый книжник и невежда.
Спеши ко гробу своему,
Где пробуждается надежда,
И повстречай внезапный свет,
Который снова всех рассудит.
Христа во гробе больше нет,
А значит и тебя не будет.

Эпилог

Смиренье в том, чтобы сойти с ума,
Позволив чудесам с собой случиться.
Зеркальный наш рассудок, как чума,
Проклятием за нами волочится.
Что разум наш? Наследством данный дом,
Как запертая камера Декарта,
Его надежным стенам не знаком
Святой восторг крылатого азарта.
Из дома прочь! - и нанесет удар
Внезапно по тебе твоя отвага.
Возьми покрытый пылью Божий Дар
Во мгле из золотого саркофага,
И ты умрешь, не открывая счет,
Чудовищным негромким потрясеньям,
Проснется мир, взорвавшись Воскресеньем,
И непременно все произойдет.

Содержание

Снова делая шаг в пути, и снова молясь во сне	3
Пролог	4
Глава первая	
Нарисовал в блокноте воробья	5
Сны Ибларда	6
Путеводитель	8
Лепить Вселенную из глины	10
Весь, как есть, берите, раньте, доживет ли до утра	11
Гамлет	12
Бесполезны слова, если сердце не может	14
Я - граната с выдернутой чекой	15
Когда боишься умереть , умри	16
Сноси мои обиды и капризы	17
Глава вторая	
Ангельский вальс	18
Что тебе предсказанья пророков	19
Евангелие нынче, здесь	20
Видишь елку в приемном покое, мишуре из бумаги и пластика	22
Быт в закрытой комнате наложен	23
Капернаум	24
Не удивляет слух плебейский	25
Он стоит посреди оживленной огромной улицы	26
Средоточье пространства и времени	27
Было две Марии. Одна из них	28
Пасха	29
Эпилог	30

Хубулава Григорий Геннадьевич.

Горчичное зерно.

Книга стихов.

Нижний Новгород, 2019.

48 страниц. - [илл.]

Иллюстрации и оформление книги
выполнены Марией Емельяненковой.

E-mail: mashachama@mail.ru

Типография ЗАО «Нижегородская Радиолаборатория»,
Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 60-46,
тел.: (831) 412-80-80. ИНН 5260946720.
Заказ 000000 от 00.00.2019 г. Тираж 00 экз.